

Актуальные проблемы педагогики традиционного прикладного искусства: традиции и новации

*Социология, психология, культурология
традиционного прикладного искусства*

Бутов А.Ю., доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, Московский филиал Высшей школы народных искусств (академии), a.butov2017@yandex.ru

Butov A.Yu., doctor of pedagogical Sciences, leading researcher of Moscow branch of Higher School of Folk Arts (Academy), a.butov2017@yandex.ru

Традиционная культура и мировоззренческие основания научного познания Traditional culture and the ideological foundations of scientific knowledge

Аннотация. Статья посвящена анализу основ традиционной культуры, отражающей природные процессы с точки зрения их восприятия человеком. Одной из основных особенностей понимания природы, характерной для мировоззрения традиционного порядка или типа, являлось представление о наличии цикличности, циклическом характере ее существования, в соответствии с которым и организовывалась вся жизнь человека. Автором обосновано, что представление о цикличности процессов мироздания детерминировало жизнедеятельность человека, являясь основой в отношении понимания им окружающего мира и воплощаясь в сфере традиционного искусства.

Ключевые слова: Традиционная культура, мировоззрение, методология, искусство, цикличность, информация, природосообразность, нелинейность, рационализм.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the basics of traditional culture, reflecting the natural processes from the point of view of their perception by man. One of the main features of the understanding of nature, characteristic of the worldview of the traditional order or type, was the idea of the presence of cyclicity, the cyclic nature of its existence, in accordance with which the whole life of man was organized. The idea of the cyclicity of the processes of the universe made it possible to build human activity, acting, respectively, as a basis for their understanding of the world around them and having the embodiment in the sphere of traditional art.

Keywords: Traditional culture, worldview, methodology, art, cyclicity, information, naturalness, nonlinearity, rationalism.

Базовую основу мировосприятия традиционной культуры составляет представление о циклическом характере процессов мироздания, которое и

легло в основу зарождения сферы науки и научного познания. Циклы отражают процесс изменения при постоянном повторении, как принципиально общий для самого существования вселенной, окружающего человека мира в целом. Этот мир имеет свойства превращения и постоянства, потому что цикл определяет, по своей природе, замкнутый, очерченный характер изменений.

По этой причине, система традиционной культуры и общества характеризовалась константностью восприятия окружающего человека мира и осуществляла адаптацию применительно к условиям реальности, которые являлись неизменными, но обладали, тем не менее, циклической природой смены фаз и периодов. Наличие определенной информации, как отражающей циклический процесс в самой природе, выступало основанием реализации традиции, поскольку позволяло воспроизводить условия и формы жизнедеятельности человека и передавать, транслировать их через поколения. Присутствие движения и изменения внутри, осуществляемого в соответствии с устойчивым и регулярно проявлявшимся законом, придавало ту определенную стабильность, относительную внутреннюю неизменность, позволявшую уверенно и продуктивно адаптироваться к непрерывно изменяющейся реальности.

Соответственно, наличие возможных изменений полагается как важное, необходимое условие его существования, и эти изменения являются принципиально прогнозируемыми и просчитываемыми, по определению. В самом деле, если сам процесс был изначально многократно и стабильно повторяем, то он оставался, в целом, вполне предсказуем, прогнозируем, – а это позволяло относительно легко учитывать возможность и реальность изменений, выстраивая жизнедеятельность в соответствии с имеющимися циклами и периодами во времени. И, при этом, чем значительнее были изменения в рамках цикличности, тем, соответственно, и более существенный толчок, и ускорение, динамику они давали самому процессу прогрессивных изменений, накоплений нового.

Эта информация, непоколебимая в своих основах, но имеющая содержание, как информация об изменениях и, соответственно, законах, обладала высшей, безусловной ценностью, и представляла собой исключительную значимость для общества, являясь базовой для всей культуры. Задача сохранения подобной информации и связанных с ней способов существования и жизнедеятельности человека и составило основу, стержень для культур традиционного характера и типа.

Вся модель мировоззрения и понимания мира, жизнедеятельности для культур традиционного характера была, в целом, построена на основании и вокруг представленных циклических процессов, из-за непонятности причин и своей значимости, важности для населения приобретавших, соответственно, сакральный, высший ореол. Представление о наличии закономерности и повторяемости, ввиду чрезвычайной важности для человека, непосредственно несло в себе предположение и утверждение разумности, что

позволяло, соответственно, обожествить начало космоса, природы, и представить его, как итог и результат, арену действия разумных и сверхмощных, не зависящих от человека, грозных, высших и, порой, опасных сил.

Но само наличие изменчивости в рамках общей и принципиальной неизменности, представленной как сфера высшего, природного, сакрального начала и закона, хоть и позволяло человеку сохранять стабильность и устойчивое мировосприятие и свойства психики, но оно, по своей сути, совершенно не готовило его к тем изменениям и ситуациям, которые могли бы явно выходить за рамки и пределы его жизни. Понимание цикличности являлось ограниченным конкретными параметрами срока жизни человека, когда цикл можно конкретно проследить и упорядочить, с его учетом, весь характер своей жизни. Но все то, что выходило за такие рамки, было для людей слишком абстрактно и малопонятно, и уже несло в себе начало, разрушающее столь привычный и удобный взгляд на мироздание. И само наличие такого изменения, перевернувшего мировоззрение и исторически сломавшего течение и ход времен, к которому был прежде приспособлен человек, естественно рождало страх и кризис с точки зрения устоявшегося ранее воззрения на мир. Человек вдруг совершенно явно сознавал, что он принципиально не способен к жизни вне такого упорядоченного взгляда на устройство мира, при котором почти каждый день и час его практически определен и ясен.

А традиционный мир, конечно, знал и катаклизмы, просто не укладывавшиеся в ранее существовавшую в сознании систему изменения циклического плана, и безжалостно ломавшие и нарушавшие всю прежнюю структуру мировосприятия и жизни человека в целом. Информация о них отражена в преданиях и мифах множества культур. К числу подобных мифов, например, относятся все мифы о потопе, как одной из наиболее известных катастроф поистине вселенского масштаба. Эти катастрофы, нарушавшие привычное движение природных циклов, полагались, как влияние «злых сил», или наказание людей за их грехи, что получило отражение, к примеру, в лице Библии и, соответственно, в концепции Всемирного потопы. Человек уже не мог существовать в рамках привычного циклического построения мира, совершая и организуя жизнедеятельность в строго отведенном и неспешном ритме и режиме. Он внезапно был поставлен в строго экстремальные условия по длительному выживанию. И, хоть катастрофу можно было, очевидно, спрогнозировать, но сам ее масштаб и длительность прогноза не могли помочь осуществить ему тот хорошо знакомый и известный принцип бытия, где каждый период был хорошо известен и понятен! Цикл таких масштабов оказался слишком уж велик для человека, он не вписывался в сроки его жизни, и поставил человека лицом к ситуации, к которой он принципиально не был совершенно подготовлен.

Общая губительность подобного явления для цивилизации традиционного характера и типа, кладущая пределы времени существования

культуры, была столь велика и очевидна, что вызывало явные ассоциации с началом «конца света» и, даже, – в определенной степени, – явилось неким отправным моментом для формирования нового мировоззрения, которое, со временем, дало дорогу утверждению иудаизма и христианства. Состояние потрясения, полученное в ходе прохождения и преодоления кризиса, явилось столь серьезным и заметным, что человек уже не мог позволить себе обратиться вновь к более ранним формам и моделям представления о мире.

Подобным образом связь человека с циклами и фазами природы, породив устойчивый консерватизм мировоззрения и мировосприятия, чрезвычайно характерный для традиции, и позволив основать саму традицию, как сферу знания, создала представление о наказании, за которым уже следует концепция греха. Ведь, если ход циклических процессов был нарушен, то для этого, естественно, была весьма весомая, серьезная причина, коренившаяся не в самих природных и космических законах, а в том, что имеет проявление непосредственной свободы, – в поведении и жизни человека!

Всевышний за грехи обрушил в отношении человека наказание и, тем самым, изменил условия и ход времен таким чрезвычайно резким, неопределенным образом, которого сам человек, вполне естественно, никак не ожидал, и не был, соответственно, готов к существованию в подобной, крайне сложной и проблемной, незнакомой ситуации. По причине своей склонности к определению цикличности в традиции, он стал, вследствие привычки, полагать возможность повторения ситуации в определенном будущем, как «конца света», если, разумеется, сам человек окажется не в состоянии избавиться от базовой причины – характерного, присущего ему греха. А это закономерно повлекло рождение идеи о необходимости принципиальной смены парадигмы общей жизнедеятельности и мировоззрения в целом.

К слову, цивилизации, существовавшие чрезвычайно продолжительное время, и имевшие сохранность информации, как это, очевидно, может наблюдаться в отношении Месопотамии и Индии, в определенной мере, обладали представлениями о цикличности происходящих катастроф и соответствующих этим катастрофам изменениям. И, чем непосредственно древней была сама цивилизация, тем большей информационной базой, вероятно, в результате она обладала, и тем более широким был присущий для нее сам взгляд на мир и поиск способов для самосохранения.

Эти представления о мире и вселенной отразились и в сфере искусства, напрямую связанной с процессом жизнедеятельности человека, – сферой его труда, общения и повседневной жизни. При этом, искусство было акцентировано на задачах повседневной жизни. Но, – поскольку эта жизнь проистекала по канонам, или циклам мироздания, представленным в традиции, – то и само искусство выступало в качестве проводника этих канонов в человеческую жизнь, как бы, одновременно, просвещая, охраняя и благословляя, побуждая человека к деятельности в рамках, установленных

влиянием незыблемой традиции.

Крушение мировоззрения традиционного характера имело одной из своих причин не столько архаичность, сколько неготовность или неспособность человека к жизни без привычной для него модели в ситуации глобальных, кардинальных перемен. Само существовавшее в условиях культур традиционного характера и типа понимание природы представляло собой весьма стройную, логичную глобальную модель, основанную на в наибольшей мере гармоничной форме круга, или сферы. Обращение к окружающим с древнейших времен человека глобальным, но, при этом, вполне видимым и вовсе не мистическим явлениям, – как, например, смена времен года или же фаз дня, свидетельствовала совершенно четко, что мы можем наблюдать две полуфазы и четыре четверть фазы. В отношении времен года это, соответственно, – зима, весна, лето и осень, а фаз дня, – утро, день, вечер и ночь с последующим многократным повторением. Естественно, в итоге получался круг, что выступало непосредственным свидетельством сферической природы изменений, формы и движения Земли, планет и пр. Логично полагать, что при наличии определенных знаний в сфере геометрии не столь сложно было догадаться о действительном строении природы, форме Земли, в связи с чем и изучение геометрии в Средневековье оказалось строго ограниченным, противореча постулатам христианского учения об устройстве мира. Но и даже в «плоскостном» своем решении, возможно было наблюдать наличие у света четырех сторон, что также выводило на возможность сферы и пространственный предел.

Поскольку исторически мировоззрение выстраивалось в направлении «от общего к частному», то данные глобальные модели полагались, как своеобразная основа для подходов к пониманию человека и реализации процесса его обучения и воспитания. К примеру, Гиппократ, – «отец» античной медицины, выдающийся философ и психолог, – что в античности имело общее обозначение «философ», или же «мудрец», – возвел свое учение о темпераментах, опять-таки, к четырехчастной схеме, вполне согласующейся с знаниями о направлении сторон света и учении о четырех стихиях. На сегодняшнее время, данное учение является основой психологии, хотя его мировоззренческо-методологическая составляющая скрыта в недрах общества традиционного характера, принципиально отличающегося по своим культурным основаниям от современного.

Другой, намного более приближенный хронологически к сегодняшнему времени пример, мы можем наблюдать в лице создателя основ научной педагогики, – дидактики, – Яна Амоса Коменского, жившего в XVII веке. Разработанный Коменским принцип и метод природосообразности, на основании которого великий чешский педагог сумел построить педагогику, как собственно научную систему, был основан на уподоблении закономерностям природы фазового типа – в лице тех же времен года, сторон света, фаз дня и этапов жизни человека. И, вплоть до сегодняшнего времени, теория Коменского является, по сути, основополагающей для современной

школы!

Разумеется, теория Я.А. Коменского, являвшего собой, как отмечал академик РАО А.И. Пискунов, фигуру переходного характера от периода Возрождения к эпохе Просвещения в Европе, близкую, по своему мировоззрению, к барокко или маньеризму, обладала исторически очень глубокими, обширными корнями. И содержались они, очевидно, в миропредставлении эпохи Ренессанса, в свою очередь, возникшем под значительным влиянием неоплатонизма Византии, сохранившего живой дух веяний эпохи эллинизма.

На основе приведенных данных, можно сделать вывод о принципиальной продуктивности и эффективности подходов к пониманию мира, сформированных в условиях культур традиционного характера и типа, причем в такой мере, что мы даже сегодня, как бы уже отрицая данное мировоззрение, продолжаем, в то же время, интенсивно пользоваться сделанными в ту эпоху разработками и достижениями. Это позволяет вести речь о принципиальной адекватности подходов того времени для понимания и постижения мира. И, как минимум, прежде всего, в той части, где идет речь о сферическо-циклической природе понимания процессов.

Фундаментальным, с точки зрения научного подхода, представляется то, что понимание и осознание цикличности как принципа, уже несло в себе основу для признания идеи нелинейности процессов, в наибольшей мере характерную в том случае, ежели имеет место наблюдаться ситуация пересечения двух циклов. Тем более, что цикл, воспринимаемый как круг, является основой сферы, а пересечение самих циклов представляло собой шаг по направлению к сферическо-пространственному построению окружающего мира.

Общая идея нелинейности прослеживается в отношении существования различных фаз. Цикл разбивается на фазы и этапы, в отношении которых еще может наблюдаться ситуация линейного процесса. Но сама проблема смены, перехода фаз, или же движения от цикла к циклу, представляет собой нелинейность ситуации и явный кризис, переход на новый уровень реализации процесса.

Такой подход принципиально позволял, конечно, более результативно проводить прогноз, включая в себя вероятность допущения случайных, неучтенных факторов, которые способны проявлять себя в моменты перехода и, подобным образом, благодаря тому, – быть подготовленным к возникновению спонтанности процессов. Фазы, как этапы, содержали в себе принцип и идею преобразования, сменяющего собой прежнюю условную линейность ситуации.

При этом, фаза представляла собой ситуацию ухода, выпадения из цикла, остановки, и, – одновременно, – в случае преодоления, – ускоренного продвижения вперед.

Естественно, что данные этапы перехода представлялись главными и исключительно существенными, в то время, как линейный период являл

собой, скорее, как бы подготовку к ним. С позиций философии, мы можем вести речь о ситуации перерыва постепенности и подготовке к качественному превращению, преобразованию. Но только лишь традиционное мировоззрение моделировало этот процесс не в лице отдельной, пусть даже закономерной, ситуации, а в качестве определенного циклического процесса, по недоразумению понимавшегося, как замкнутый и недиалектический.

Цикличность, по своей основе, означала изначальную включенность человека в мир природы и его принципиальное единство с ней, поскольку циклы, в сущности, распространялись в равной степени и на природу в целом, и на жизнедеятельность человека, подчиняя себе полностью процесс его существования и становления, как таковой. Человек не в состоянии был выйти за пределы циклов, а, если такое неожиданно случалось, – то рассматривалось, большей частью, в плане нарушения естественных закономерностей, и подлежало пресечению и отрицанию по своему определению.

Исключение имело место только в случае, если имелась ситуация, касавшаяся смены фаз, причем, как в отношении человека, так и в отношении самой природы. В подобном случае, для человека открывалась явная перспектива изменений, и преодоления континуума его сложившегося бытия.

Иначе говоря, если в процессе непосредственно линейного, стандартного движения сам человек являлся как бы защищенным циклом, или сферой, от возникновения случайностей, и его движение, развитие выступало, в целом, предсказуемым, то в ситуации прохода через преобразование и фазовый процесс подобная основа защищенности, по сути, разрушалась, открывая, соответственно, простор влияния со стороны других воздействий или сил. Это несло с собой возможности ускоренного роста и развития, но, одновременно, содержало несомненную и очевидную угрозу.

Причем, если в лице циклов мы имели дело с проявлением закономерности, можно сказать, как бы естественно-природного характера, то переход фаз открывал влияние, можно сказать, влиянию, или наличию влияния «сверхприродного» характера, возможность проявления которого была вполне закономерна, но – само ее влияние как бы выходило за пределы цикла или сферы. И оно не подлежало объяснению природными процессами.

В данный период реально открывается возможность для возникновения и проявления случайности, спонтанного события или влияния, когда очерченная логика процесса неожиданно пересекается каким-либо другим процессом. И, в подобном случае, тогда становится очевидным понимание случайности в античной философии, рассматриваемой, как проявление закономерности. Пересечение двух процессов, каждый из которых обладает состоянием закономерности, приводит к ситуации случайности. В мировоззрении традиционного характера, процесс циклического плана в ситуации прохождения фаз испытывает внешнее влияние, которое вполне способно приводить к случайности.

Отсюда пресловутый «конец света» представляет собой просто завершение цикла, очевидно, вычисляемое непосредственно с астрономическим или астрологическим путем и способом. Оно реально отражает процесс смены фаз, и представляет собой завершение цикла самым тривиальным образом. Но, одновременно с этим, – открывается возможность проявления стихийного начала, общая потенция которого заложена в подобном превращении.

Поскольку отменить и запретить процессы фазового перехода изначально, по определению, невозможно, остается только попытаться достичь уменьшения возможности возникновения случайности. И наиболее доступная позиция здесь заключается в организации определенного контроля и замене ситуации случайности, спонтанности процесса непосредственно организованным, намеренным, осознанным влиянием. Процесс необходимо контролировать. А, может быть, – даже его возглавить, и придать ему организованный характер. Как, собственно, и в наше время принято считать, – если движение принципиально невозможно запретить, то его просто следует взять, и - возглавить! Классическим примером данного подхода в отношении воспитания и развития ребенка представляется процесс инициации, являющий собой определенный переход от одного этапа, или же состояния жизни человека, к непосредственно иному.

По причине изначальной двойственности преобразования, праздник, в принципе, всегда амбивалентен, и включает в себя как бы переход, который открывает новые возможности, но также несет и содержит и определенные угрозы. Все наиболее существенные праздники, события как раз являлись приуроченными к смене фаз. В праздничном значении представлена идея и задача завершения, перехода, и заключена возможность нового начала. Но, идея праздника, заключена и состоит в стремлении взять под свой контроль процессы перехода и, возглавив, как бы постараться, попытаться свести его негативное значение и влияние, проявление стихийного начала в его негативном проявлении к минимуму. Эта сторона любого праздника является зачастую скрытой, что приводит к непредвиденным последствиям...

Одним из наиболее известных и типичнейших примеров выступает Новый год, – пожалуй, наиболее традиционный из числа всех праздников, идущий из языческих времен и пользующийся наибольшей популярностью у населения сегодня. Хотя современный Новый год и отмечается, не будучи прямо привязанным к явлениям природы, но, однако, ранее он был, скорее, адресован к Рождеству, – «рождению Солнца», обладая характерной фазовой природой. У древних славян он тоже был «привязан» к солнечному циклу, как и, очевидно, у многих других народов и культур. А традиционный Новый год обозначал собой, как праздник, ситуацию задабривания духов, или же стихийных сил, активизировавшихся в этот переходный период, и, сообразно представлениям традиции, нуждавшихся в осуществлении подношения – подаркам! Таким образом, благодаря подаркам и ночному бдению при прохождении, в процессе прохождения фаз, стремились как бы отвести и

нейтрализовать саму возможность негативного влияния, и осуществить проникновение в новый период – последующий год.

Но, однако, в наибольшей мере интересно понимание мировоззренческой специфики традиции с точки зрения анализа пространственной природы изменений непосредственно циклического свойства. В непосредственно пространственном рассмотрении, цикл отражает собой сферу. А, соответственно, циклический процесс является, в реальности, в трехмерном рассмотрении, процессом непосредственно сферического свойства и характера. Сложившееся представление о циклических процессах изменений в природе, получившее свою реализацию в лице сменяющихся времен суток или года, отражало непосредственно сферический характер и строение пространственных объектов, обуславливавший сам процесс вращения. Иначе говоря, – то, что исходно было принимаемо за циклы, представлялось исключительным свидетельством сферической основы, при отсутствии которой сам процесс циклических изменений оказался неосуществимым в принципе. В основе этих изменений была форма Земли, Солнца, планет и вращение их по орбитам. В непосредственно трехмерном измерении, за каждым циклом полагалась сфера или группа сфер, сам процесс носил, естественно, сферический характер.

Вся жизнь человека, в принципе, осуществляется по циклам, и тогда его пространство нахождения, или пребывания отчетливо напоминает собой сферу, где он замкнут, и за рамки и пределы этой сферы выйти, соответственно, не может по определению. Но, – при рассмотрении этапов перехода, прохождения фаз, за рамки и пределы рамок данной сферы можно выйти, и мы можем наблюдать процесс взаимодействия различных сфер, что ставит, при объемном понимании, проблему многомерности пространства в целом. Пересечение циклических процессов, порождавшее явление случайности, по крайней мере, в отношении сознания самих людей, как не предполагавших, на основе цикла, появление определенных изменений, представляло собой ситуацию, или модель пересечения сфер и появление сложных моделей, уже не укладывающихся в представления о существовании трехмерного пространства. Именно поэтому этапы перехода полностью не подлежат, не поддаются объяснению с природной точки зрения или содержат, содержа в себе начало «сверхприродного» порядка и характера.

То, что сегодня принято обозначать «природным», или же «естественным», включает в себя логику и построение трех измерений, – то, что мы можем созерцать вокруг себя. К примеру, те же сферы мы способны видеть. Но процессы переходного характера, или порядка, выходящие за рамки непосредственно линейной логики, не подлежат простому объяснению с такой позиции, они нам не видны, и обладают явным ореолом «сверхприродной», или высшей и особой, тайны. Человек, по сути, в состоянии лишь сталкиваться с их последствиями, и не более того. А,

соответственно, случайность, в его понимании, является вполне универсальным и обычным, тривиальным объяснением. И что стоит за ней, он этого понять, постичь, как правило, не может, вследствие чего способен или отрицать, или же мистифицировать явления, придавая совершенно необычную трактовку.

Конечно, люди, в принципе, предполагали или ожидали, что осуществление перерыва постепенности в движении, развитии способно привести к непрогнозируемым в полной мере результатам. Но вот на вопрос о том, каков конкретно будет этот результат, ответа не существовало, что и наложило на пересечение процессов ореол случайности. Что произойдет или же может произойти, случиться «нечто», без сомнения, ожидали, знали. Но вот что конкретно, в меньшей мере, где конкретно и, порой в какой конкретно срок – этот вопрос не обладал определенностью решения. И, в целях достижения какой-то информации, нередко приходилось прибегать к различным предсказаниям, использовавшим не рациональные подходы к ее получению – гаданиям, оракулу и пр. Как правило, подобные попытки не предоставляли четкой и определенной, однозначной информации, чем отражали сложность понимания самих вышеуказанных процессов, их малодоступность с точки зрения восприятия и осознания человека.

Пересечение циклических процессов, явленное, как взаимодействие, или же пересечение сфер, предполагало сложные пространственные построения, выходящие за рамки характерного, привычного трехмерного пространства. Эти модели недоступны непосредственному восприятию, что создает определенную мистическую ауру, и могут быть в какой-то мере определены лишь только через вычисления абстрактного характера. К их пониманию, в определенной степени, приблизилась стереометрия, как наиболее глубокая и почитаемая в период античности математическая дисциплина, в максимальной степени продвинувшаяся из числа всех направлений математики эпохи эллинских и эллинистических времен. И, возможно, вовсе не случайно в Древней Греции, эллинистическом Египте исключительным вниманием пользовались именно геометрические знания, что получило отражение не только в лице метода Платона, названного им самим «геометрическим», или же, к примеру, разработках Пифагора, но и в знаменитом изречении великого Эвклида, адресованного Птолемию, «царских путей в геометрии нет»! Очевидно, важность данного предмета была столь существенной, что даже вдруг сам царь Египта решил его зачем-то изучить! В этой связи, известно мнение, что увлечение античных греков сферой геометрии, а, в частности, стереометрией, определялось их стремлением к изучению и построению сложных пространственных моделей, объясняющих явления, не укладывающиеся в рамки собственно сферического цикла.

На основе приведенного выше анализа принципиально очевидно, что устойчивое обращение ряда крупнейших представителей научно-философской мысли и, конечно, педагогов и психологов, к изучению

природы, при опоре на устойчивое представление о цикличности природных изменений, выступало не одной лишь данью исторически сложившейся традиции, но отражало много более глубокую попытку понимания окружающего мира, выстроенную на основе не присущей современному научному мировоззрению методологии. Глубина отмеченной методологии, во многом недоступная сегодняшнему пониманию проблем, позволила создать основу для развития научного познания на заре рождения Новоевропейского рационализма. И, вероятно, именно различия методологического плана и характера являют собой ту принципиальную основу, под влиянием которой современная наука не всегда желает признать достижения традиции, а в самом обществе, с позиции идеологии прогресса, устоялся взгляд на период существования культур традиционного характера, как на чрезвычайно архаичную и мало интересную, какую-то «отсталую» эпоху.

К сожалению, роль традиций и традиционного начала, с точки зрения прогрессистского влияния и идеологии, рассматривается, как архаичный пережиток того состояния культуры, когда в жизни общества традиции играли доминирующую и главенствующую роль. Отмеченный этап поименован был культурой, или же обществом традиционного характера и типа. По своей сути, он охватывал собой еще дохристианскую эпоху, хотя следует признать, что окончательно традиционное влияние ушло из нашей жизни под воздействием процессов индустриализации, урбанизации и разрушения сельского традиционного крестьянского уклада жизни, наблюдаясь в ряде государств Европы, в том числе России, еще в XIX – начале XX веков.

Однако при подобном взгляде, к сожалению, остается без необходимого и должного внимания тот самоочевидный факт, что становление науки и научного познания, расцвет культуры и искусства происходит на основе, или в рамках того общества, которое, во многом, отличает именно традиционное, и соответственно, как это принято считать, – довольно архаичное начало. И, соответственно, сама методология, присущая представленной эпохе, весьма серьезно отличается от общепринятой в сегодняшнее время.

Конечно, факт различия в методологии вполне возможно попытаться объяснить слабым развитием научного познания. Но, в подобном случае, встает вопрос о том, – как общество, не обладавшее необходимым уровнем подходов к изучению мира и развитием, смогло сформировать идеи, выступавшие, как базовые, основополагающие для всего последующего периода?! И мы на основании их продолжаем строить свою деятельность и исследования и в сегодняшнее время, даже не пытаясь зачастую вспомнить о происхождении?! Вряд ли, в данном случае, подобные идеи могут выступать, как архаичные! Поскольку ясно, что на основе архаичных взглядов не рождаются идеи, базовые для науки и сегодня.

В таком случае, чтобы оказывать подобное влияние, они должны

превосходить сегодняшний потенциал, возможности научного познания. Или же, по крайней мере, уж ни в чем, по определению, не уступать ему! Поскольку на основе устаревших, малопродуктивных взглядов или данных просто невозможно создавать концепции, практически не уступающие в отношении эффективности современному развитию научного познания.

Поэтому, если признать, что к числу малопродуктивных данные идеи явно не относятся, то остается только лишь предположить, что они являлись, просто-напросто, другими, и принадлежали исторически другой методологии, мировоззрению, отнюдь не выступавшей в роли архаичной и отсталой, а, напротив, позволявшей достигать действительно высоких результатов. И подобное различие в своем итоге, наложило явный, характерный и определенный отпечаток на само их восприятие и оценку, вполне вписывающуюся в общую линейность понимания развития культуры, в свою очередь, аналогично сформированную под влиянием идеи новоевропейского прогресса.

Между тем, принципиально важно и необходимо подчеркнуть, что общее определение процесса эволюции культуры, как линейного в своей основе, сущностно не соответствовало ходу эволюционно-социокультурного процесса. И одним из непосредственных критериев его несоответствия являлась степень сложности, как общей усложненности культуры, становившаяся максимальной именно в эпоху, непосредственно предшествующую становлению современного научно-прогрессистского мировоззрения.

С позиции научного подхода, основанием, или критерием развития системы выступает степень ее сложности и усложненности, как таковой, что во второй половине XIX века отмечал русский философ К.Н. Леонтьев. Чем выше степень общей сложности организации, тем в большей мере, выше развита система, или организм. И, в свою очередь, – чем меньше сложность, – тем оно, в буквальном смысле, примитивнее и проще. В условиях Европы периода христианства, таковым этапом выступает, например, эпоха Ренессанса, обладающая наибольшей степенью богатства и разнообразия культурно-социальной жизни. А для времени Античности – эпоха собственно Высокой классики, также известная под именем эпохи Эллинизма. Поэтому тот уровень познания реальности, который был достигнут в данные эпохи, получая отражение в различных сферах отражения человеком окружающего мира, продолжает сохранять необходимый продуктивный смысл и эвристический потенциал вплоть до сегодняшнего времени.

Литература

1. Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – 462 с.: ил.
2. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.
3. Шевелев И.Ш., Марутаев М.А., Шмелев И.П. Золотое сечение. Три взгляда на природу гармонии. – М.: Стройиздат, 1990. – 343 с.